

Александр РАПОПОРТ

РАССКАЗ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Приехав в Одессу со своей невестой, я застал бабушку неизлечимо больной. Две ее сестры умерли от рака, эта же болезнь была у нее. Диагноз от больной скрывали, но она, скорее всего, не питала иллюзий... В больнице состоялся консилиум, рекомендовал оперировать. Сделали общий наркоз и к операции приступили, но, убедившись в обширности поражения метастазами, хирург продолжать отказался. Не имеет смысла. Когда действие наркоза кончилось, она открыла глаза и спросила: "Так быстро?".

— Все прошло отлично, — ответил хирург.

Вскоре после этого бабушку выписали из больницы.

В ее комнате царил полумрак и запах лекарств. Верхний свет был погашен, шторы задернуты. Горела только небольшая настольная лампа, перенесенная на тумбочку у кровати. При таком освещении тени на лице обозначились резче обычного. Бросалось в глаза, как бабушка исхудала за время болезни. Мне хотелось рассказать ей о том, что могло бы обрадовать, — перед приездом я обнаружил, что ее предок упомянут в сочинении Пушкина.

О своем дворянском происхождении в те социалистические времена бабушка, депутат горсовета и заслуженный учитель республики, говорила редко и только в узком кругу. Умение себя подать, изложить свое мнение отличало ее от коллег. Но проявляла она его моментами, лишь тогда, когда считала крайне необходимым. А в основном, умела находить некий общий тон, которого с окружающими

и придерживалась, так, чтобы соответствовать советскому поведенческому стандарту, "быть в коллективе". Главным в общении с внешним миром было добродушие, эмоциональная отзывчивость, внимание к собеседнику. Каждому адресовалась улыбка (это задолго до победоносного шествия голливудской кинопродукции). При этом она делала для себя достаточно жесткие оценки людей, с которыми сводила судьба, и делилась ими, если считала, что такое знание на пользу ее близким.

Иногда она рассказывала неожиданное.

Например, о приезде Николая II в Одессу вместе с августейшим семейством. Облик царя ей не понравился, она нашла его недостаточно царственным.

Или о близком родственнике, завсегдаге ипподроме и участнике Белого движения, который в 20-м году вынужден был вместе с остатками своего полка отплыть в Констанцу; с тех пор никто из родных ничего о нем не слышал.

Или о том, что под впечатлением фильмов с Верой Холодной она тайком от родителей поступила в киношколу при Одесской киностудии, но вскоре это как-то раскрылось, и ее отец, а мой прадед, силой дочь оттуда увел.

От нее я впервые услышал стихи Ахматовой, однажды она наизусть прочитала мне "Сероглазого короля". "Когда мы в молодости, парни и девушки, собирались своей компанией, у нас читали такие стихи... Сейчас вкусы несколько упростились", — сказала бабушка.

Еще был рассказ о том, как в тридцатые годы она вместе с мужем, моим дедом, работала в специальной колонии для детей репрессированных родителей. Родители совсем недавно были крупными партийными и государственными чиновниками. Если в колонию приезжал "черный ворон", это означало, что кого-то из учителей увезут навсегда. Поскольку дед преподавал историю, что было равносильно хождению по минному полю, оба они не сомневались, что однажды — вопрос времени — "черный ворон" приедет и за ним. На этот случай дома заготовлен был узелок с бельем.

Подобных историй было немало. Хотя я неплохо, как мне казалось, знал ее биографию, всегда в ней существовали какие-то неосвещенные зоны, вроде бы не вытекающие из предыдущего неожиданного поступка, не известные мне повороты. Такие сюжеты она извлекала из памяти, когда считала, что настало уже время, "можно об этом рассказать".

Ребенком у меня был особенный повод гордиться бабушкой. Рядом с Соборной площадью, куда к гранитному памятнику губернатору Новороссийского края Воронцову фределка приводила меня гулять, рядом, повторяю, с этой площадью имела в городском хозяйстве доска с фотографиями "передовиков коммунистического труда". На ней висела и фотография бабушки с орденом Трудового Красного Знамени на груди. Мне нравилось приводить к этой доске сверстников и хвастать, что "вон тот вот" орден я видел вживую и держал в руках. Сегодня меня удивляет, что так отме-

чен был не преподаватель идеологической дисциплины, а школьный учитель русского языка и литературы.

Бывало, мы шли с ней по улице, к нам подходил бывший ее ученик, выпускник срейдней школы № 47 города Одессы и спрашивал: "Марьяна Леонтьевна, вы меня узнаете?". Бабушка улыбалась и всегда правильно называла фамилию. Полное ее имя было Марианна, а в обиходе переделанное в Марьяна, а в семье и для самых близких людей она была Мара.

— Смотри, что я нашел.

Я взял с полки дореволюционного издания томик с потертым уже золотым тиснением и раскрыл "Кирджали", то место, где речь шла о сражении турок с местными повстанцами под Скулянами.

"Сражение под Скулянами, кажется, никем не описано во всей его трогательной истине. Вообразите себе сымсост человек арнаутов, албанцев, греков, болгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве..." — ладно, это пропускаем... ага, вот здесь: "Турки рады были бы действовать картечью, но не смели без позволения русского начальства: картечь непременно перелетела бы на наш берег. Начальник карантина... сорок лет служивший в военной службе, отроду не слышал свиста пуль, но тут бог привел услышать. Несколько их прожужжало мимо его ушей. Старичок ужасно рассердился и разбил за то майора Охотского пехотного полка, находившегося при карантине. Майор, не зная, что делать, побежал

к реке, за которой гарцевали делибаши, и погрозил им пальцем. Делибаши, увидя это, повернулись и ускорили, а за ними и весь турецкий отряд. Майор, погрозивший пальцем, назывался Хорчевский. Не знаю, что с ним сделалось".

— А в конце тома, в примечаниях к рассказу, сказано: майор Охотского пехотного полка — Карчевский (у Пушкина не совсем точно).

Фамилия бабушки была — Карчевская.

— Он пишет, — продолжал я: — "Не знаю, что с ним сделалось". Но ведь это происходило недалеко отсюда, в Бессарабии. Легко себе представить, что выйдя в отставку, майор Карчевский решил поселиться в Одессе и купил дом на Ближних Мельницах, где ты и родилась меньше чем через сто лет после этого события.

Внимательно выслушав, никак не прокомментировав услышанное, она сказала: "Я сейчас к вам выйду". Попросила отвернуться, встала с постели и ушла за ширмы. Выйдя оттуда в прямого покроя темной юбке и белой блузке, заколотой у воротника брошью, спросила: "Я comme il faut?".

Я не знал тогда, что ей ежедневно кололи морфий, чтобы снять боль. Не догадывался, чего это стоит — так держаться.

Пройдя в другую комнату, к столу, где все сидели, она познакомилась с моей будущей женой, произнесла приличествующие случаю слова, благословила. Всю жизнь она была человеком правил и считала, что именно так ей сейчас следует поступить.

Вскоре мы уехали. Через неделю после нашего отъезда бабушка умерла. Мне не удалось быть на похоронах.

Такой она мне и запомнилась в тот последний раз, на границе жизни и смерти: в прямого покроя темной юбке, в белой блузке, заколотой у воротника брошью, и с этим вопросом: "Я comme il faut?".

Людмила САУЛЕНКО

Запад есть Запад, Восток есть Восток?..

Строки стихотворения Редьярда Киплинга, из которого заимствовано название этой статьи, известны едва ли не всем: "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись век...". Именно вопросительная интонация возникла на выставке живописи Виктора Ли в Одесском литературном музее. Ли — китайский художник, выпускник Шаньдунского художественного университета, получивший признание в родной стране. Но кроме Китая Виктор учился и выставлялся в России, а затем приехал получать художественное образование в Одессе, в Южноукраинском педагогическом университете им. Ушинского. Почему? — Тут важны как ответ, так и вопрос. Ведь феномен Ли связан не только с личным интересом художника. Он связан и с новыми явлениями в искусстве Китая, и с тем общемировым процессом, который получил название глобализации. Поэтому для Одессы оказался так интересен феномен Виктора Ли: вскоре прошла еще одна его выставка, организованная Музеем современного искусства Одессы.

На первой выставке Ли показал, в основном, пейзажи и натюрморты. Прекрасно скомпонованные, свободно, "вкусно" написанные, они открыто говорят о том, чем именно пленила китайского художника европейская живопись. Это импрессионизм. Ведь традиционная китайская живопись ("го хуа") выполняется черной либо серой тушью на бумаге или шелке и предполагает лаконизм, граничащий, на европейский взгляд, с чудом. Да, в сущности, и европейское понятие картины чуждо китайскому вкусу. Китайцы создают свитки. И если вертикальный свиток может некоторое время висеть на стене, уподобляясь европейской карти-

не, то горизонтальные свитки рассматривают, разворачивая, — то есть они уподобляются скорее бесконечной живописной книге.

Хотя Китай впервые познакомился с европейской живописью в семнадцатом веке, специальные кафедры западной живописи появились только в последнее десятилетие. Выставка Виктора Ли дала нам редчайшую возможность увидеть, что же нового дала китайцам европейская картина, — то есть посмотреть на себя "с китайской стороны". К примеру, китайское искусство не знает натюрморта, изображения мертвой природы. Если изображены цветы, это всегда ветка живого дерева или кустарника (жанр "цветы и птицы"), элементом единого живого мира. Любовь художника Ли к жанру натюрморт — свидетельство сделанного им для себя открытия, что предмет интересен как таковой, он может быть объектом самоценного любования. Пейзажи, которые увлеченно пишет Виктор, в этом аспекте тоже чрезвычайно интересны.

Китайское искусство не знает ни прямой ("ренессансной"), ни обратной ("иконной") перспективы. Каждый объект изображения живет в собственной системе координат, и поэтому может быть изображен со всех сторон. Европейская система перспективных сокращений открыла перед художником возможность целостного изображения пространства, и Ли увлеченно работает в жанре пейзажа, создавая такие обаятельные вещи, как "Улица", "Зимний день", "Извилистая тропинка". Но освоением европейских уроков он не ограничивается, и этим-то интересен для зрителя.

Есть в культуре понятие билингва. Это человек, одинаково владеющий двумя языками, способный гово-

рить и думать на них без перевода. Ученые утверждают, что мир билинга намного шире, чем мир человека, владеющего лишь одним языком. Ведь каждый язык по-своему описывает мир. Не так ли и в изобразительном искусстве "билингв" получает больше возможностей для художественного видения? Выставки Виктора Ли дают интересный материал для таких размышлений. Ведь в "китайской" выставке Виктор показывает решения, для нашего европейского глаза непривычные, неожиданные...

К примеру, веер, этот едва ли не главный признак "китайскости" в европейском интерьере и бытовом сознании. Виктор Ли помещает его в европейскую пространственную систему: он разворачивает бумажный веерный полусегмент на плоскости и располагает на нем персонажей. Изысканность ритмической игры линий, в которые законпонованы фигурки, лаконизм сдержанного красочного пятна, замедленная грация, на европейский вкус несколько ироническая, — все это воспринимается как игра с "китайскими бисеринками". Игра, создающая ощущение некоей полуреальности. Это не попытка облегченного пересказа китайского сюжета для европейца (адаптация китайского изобразительного языка для европейского глаза), а именно художественный билингвизм, двуязычие. Явление для нас редкое и уже этим привлекающее.

Живой интерес, который проявили одеситы к выставкам китайского художника Виктора Ли, не случаен. Он наглядно демонстрирует нам, что глобальное переплетение культур — факт, с которым нам предстоит жить в этом столетии. Жить, в том числе и в Одессе.

Саша ЧЕРНЫЙ

В Одессе

ПУБЛИКАЦИЯ

В этом году в Москве вышла книга "Одесса в русской поэзии", составленная журналистом и писателем Александром Рапопортом. Думается, эта книга будет переиздаваться и дополняться, так как многие значительные русские поэты в ней не представлены. К примеру, Саша Черный, родившийся в Одессе, здесь ощущивший, что значит "арбузной коркой пахнут воды...". Стихотворение "В Одессе" Саша Черный написал уже в эмиграции и опубликовал в своей книге "Жажда", вышедшей в Париже в 1923 году.

Вдоль деревянной
длинной дамбы
Хвосты товарных поездов.
Тюки в резенте, словно ямбы,
Плennяют четкостью рядов.
Дымят гиганты-пароходы,
Снуют матросы и купцы.
Арбузной коркой пахнут воды —
И зыбь и блеск во все концы.
На волнорезе так пустынно...
Чудак в крылатке парусинной
Снимает медленно с крючка
Виртлявоскользкого бычка.
Всю гавань тихо и лениво
Под солнцем добрым
обойдешь...
Воркуют голуби учтиво,
Босаяк храпит в тени рогож.
Кадит корицей воздух летний...
Глазеешь на лихой народ
И выбираешь, как трехлетний,
Себе по вкусу пароход.
Вперед по лестнице гигантской!
Жара бросает в пот цыганский,
Акаций пыльные ряды
С боков свергаются в сады.
Дополз до памятника "Дюку"...
День добрый, герцог Ришелье!
Щитком к глазам
подносишь руку:
Спит море — синее колье...
В ребре среди памятника —
бомба,

Жужжит кольцом цветник детей,
И грек, исполненный апломба,
Раскрыл, пытая, лоток сластей.
Сажусь у лестницы на кладку, —
Мороженщик снял с круга кадку.
Сквозь Николаевский бульвар
Плывет змея беспечных пар.
Голландский шкипер
белоснежный
Склонил к Кармен одесской
лоб.
Взлетает смех,
как жемчуг нежный,
Играет палкой местный сноб,
Горит над жирным турком
феска,
Студент гарцует среди девиц...
Внизу среди морского блеска
Чернь паровых верениц...
Казак, статные, как кони,
Кружком расселись в павильоне...
Урядник грузен, как бугай.
Запели... Эх, не вспоминай!